

БОЛГАРО-ЮГОСЛАВСКИЙ ПАКТ ОТ 24 ЯНВАРЯ 1937 г.

Одним из дипломатических соглашений, расчистивших путь фашистским агрессорам на Балканах, явился болгаро-югославский пакт о «дружбе» от 24 января 1937 года.

В советской исторической литературе вопрос о болгаро-югославском пакте разработан недостаточно. За рубежом этой теме посвящена статья современного болгарского историка П. Арсова¹.

В настоящей статье автор ставит задачу рассмотреть историю заключения болгаро-югославского договора и выяснить его роль в подрыве Версальской системы и особенно в срыве политики коллективной безопасности в Центральной Европе и на Балканах.

Немедленно после прихода Гитлера к власти германский империализм вновь поставил вопрос о переделе мира. В планах германского империализма Юго-Восточная Европа всегда занимала исключительное место как военно-стратегическая, сырьевая и продовольственная база. Гитлеровцы открыто заявили о намерении фашистской Германии «установить господство над всей Центральной и Юго-Восточной Европой от Чехословакии до Турции»².

Накануне второй мировой войны развернулась борьба; между двумя направлениями международной политики. Одна линия – «это линия борьбы за мир, за организацию коллективной безопасности и за противодействие агрессии объединенными усилиями миролюбивых народов»³. Эту линию вел Советский Союз, последовательно и стойко защищая интересы всех больших и малых народов. Практическим воплощением этой линии явились советско-французский и советско-чехословацкий договоры о взаимопомощи 1935 года, а также дружеские отношения между СССР и Турцией в начале 30-х годов. Другая линия – это «линия на отказ от организации коллективной безопасности, на отказ от противодействия агрессии, что неизбежно поощряло фашистские страны к усилению их агрессивности и тем самым способствовало развязыванию второй мировой войны»⁴.

Фашистских агрессоров можно было обуздать, если бы Англия и Франция организовали совместно с Советским Союзом коллективный отпор германо-итальянским захватчикам, однако во внешней политике англо-французских правящих кругов взяла верх «мюнхенская» политика, направленная на изоляцию советской страны и канализацию гитлеровской агрессии на Восток, против СССР.

Германское проникновение в балканские страны осуществлялось как по военно-политической, так и экономической линиям. Первоначально преобладала экономическая, главным образом внешнеторговая экспансия, однако основным средством осуществления агрессивных планов гитлеровской Германии на Балканах являлась военно-политическая агрессия⁵.

Гитлеровская дипломатия поставила перед собой задачу подорвать и ослабить систему французских военно-политических союзов в Центральной и Юго-Восточной Европе, без ликвидации которых Германия не могла установить свой полный экономический и политический контроль над этой частью Европы. Основной свой удар гитлеровская Германия направила против Малой и Балканской Антанты, которые являлись составной частью французских военных союзов. «Мы, немцы, как и Италия, заинтересованы в ослаблении Малой Антанты, и, следовательно, французской системы союзов», – говорилось в одном из меморандумов германского министерства иностранных дел⁶.

Германия воспользовалась существовавшими между балканскими и придунайскими государствами противоречиями, чтобы противопоставить их друг другу, взаимно ослабить и установить свой экономический и политический контроль над всеми странами – как ревизионистскими, так и антиревизионистскими.

Приход Гитлера к власти вызвал оживление фашистского и ревизионистского движения в Болгарии. Правящие круги Болгарии приветствовали установление фашистской диктатуры в Германии, так как с германским фашизмом болгарская шовинистическая бур-

жуазия связывала осуществление своих реваншистских планов.

С помощью Болгарии и Венгрии гитлеровская Германия стремилась вбить клин в Балканскую и Малую Антанты, расшатать их изнутри и вырвать из них наиболее слабое звено – Югославию. Германский министр иностранных дел Нейрат неоднократно «советовал» болгарскому царю Борису «смягчить политическое напряжение между Болгарией и Сербией»⁷. «Нейрат считает, что наше сближение с Югославией нужно поддерживать», – докладывал болгарский посланник в Берлине в телеграмме от 4 апреля 1935 г.⁸

Раскрывая истинные цели, которыми руководствовалась гитлеровская дипломатия, поддерживая болгаро-югославское сближение, газета «Дойче Альгемейне Цайтунг» писала в ноябре 1935 года: «...германское правительство стремится к болгаро-югославскому сближению потому, что оно будет препятствовать установлению и существованию системы коллективной безопасности на Балканском полуострове»⁹.

В ноябре 1935 г. болгарский царь Борис установил в стране открытую монархо-фашистскую диктатуру. Премьер-министром был назначен бывший начальник царской канцелярии Кьоссейванов, который являлся послушным орудием в руках царя. Правительство Кьоссейванова взяло курс на сближение Болгарии с гитлеровской Германией и превращение страны в аграрно-сырьевой придаток «третьего рейха».

Почти одновременно с установлением монархо-фашистской диктатуры в Болгарии, в Югославии пришло к власти фашистское правительство Стоядиновича, представлявшее интересы германофильской части сербской буржуазии. С этого времени начался постепенный отход Югославии от Малой и Балканской Антант и переориентация югославской внешней политики с Франции на гитлеровскую Германию. Этот поворот во внешней политике Югославии проходил под лозунгом «самостоятельной» и «независимой» внешнеполитической линии.

Вскоре после прихода к власти правительства Кьоссейванова и Стоядиновича начали переговоры о заключении двухстороннего соглашения между Болгарией и Югославией.

К этому времени фашистские державы резко усилили свою агрессивную деятельность: Италия развязала войну в Эфиопии, а гитлеровская Германия перешла к актам открытой военно-политической агрессии в Европе.

7 марта 1936 г. Германия без малейшего сопротивления стороны западных держав оккупировала демилитаризованную Рейнскую зону¹⁰. Захват Рейнской области ослабил позиции Франции не только вдоль границы с Германией, но в Юго-Восточной Европе. Оккупация Рейнской зоны без всякого сопротивления со стороны Франции вызвала разброд и замешательство в странах Малой и Балканской Антант, поскольку у них было мало надежды рассчитывать на французскую помощь в случае германо-итальянской агрессии.

С весны 1936 г. Малая и Балканская Антанты вступили в период ослабления. Особую роль в разложении системы французских союзов на Балканах сыграла политика «нейтралитета», которой добивалось английское правительство от придунайских стран. Правящие круги Англии стремились к сделке с фашистскими агрессорами прежде всего за счет малых стран Юго-Восточной Европы. Эта политика попустительства агрессии вела к подрыву системы коллективной безопасности в Европе и имела своей целью направить гитлеровскую агрессию на Восток, против СССР.

В 1936 г. в Польше, а также в странах Балканской Антанты усиливается английское влияние и соответственно ориентация на политику «нейтралитета». Уже в мае 1936 г. сессия Совета Балканской Антанты в Белграде, по настоянию Греции, приняла решение, освобождавшее участников пакта от оказания помощи друг другу в случае нападения небалканского государства на одно из них¹¹.

После отставки румынского министра иностранных дел Титулеску Румыния начала активно сотрудничать с Польшей и маневрировать между Францией и Германией.

На путь сговора с фашистскими агрессорами стала и Югославия. Переход к политике «самостоятельности» по отношению к Франции и Балканской Антанте правительство Стоядиновича осуществило в значительной степени под влиянием Англии, правящие круги которой проводили политику сговора с агрессорами. Сближение Югославии с Болгарией являлось элементом сговора с гитлеровской Германией и фашистской Италией, к которому стремилось югославское правительство.

Наряду с ревизионистскими притязаниями болгарской буржуазии, в болгаро-югославском сближении известную роль играли шовинистические устремления югославской буржуазии, стремившейся расширить свои балканские границы. Обе стороны надеялись осуществить свои планы с помощью гитлеровской Германии и фашистской Италии.

Югославский посланник в Анкаре Лазаревич прямо указал, что болгаро-югославское сближение «открывает новые надежные перспективы для славян на Балканском полуострове», и что «решающее слово на Балканах будут иметь Югославы и болгары»¹². Далее он высказался за прямой сговор с фашистской Италией: «позиции болгаро-югославского блока укрепятся еще больше, если будет достигнуто искреннее и прочное соглашение между Югославией и Италией»¹³.

Болгария же в случае заключения пакта, могла рассчитывать на нейтралитет Югославии в военном конфликте с остальными членами Балканской Антанты. Таким образом, болгаро-югославское сближение осуществлялось в ущерб интересам других партнеров Югославии по Балканскому пакту, прежде всего Греции и Румынии, за счет которых Болгария рассчитывала удовлетворить свои территориальные претензии.

Формально инициатива подписания болгаро-югославского пакта принадлежала болгарскому правительству, однако истинным его вдохновителем являлась гитлеровская Германия.

Переговоры между болгарским и югославским правительствами начались в феврале 1936 г., когда болгарский царь Борис предпринял поездку в Париж, Лондон и Берлин. Целью визита было выяснение отношения великих держав к болгаро-югославскому сближению. В Париже Борис вел переговоры с министром иностранных дел Фланденом и был принят президентом Лебреном. Французское правительство безуспешно пыталось склонить Болгарию к вступлению в Балканский пакт. Однако болгарский царь уклонился от ответа на французское предложение, ограничившись общими фразами о верности Болгарии Лиге наций¹⁴.

В ходе переговоров в Лондоне царь Борис убедился в том, что английское правительство благоприятно относится к болгаро-югославскому сближению. Англия была заинтересована в ослаблении французских позиций на Балканах и благожелательно относилась к германской экспансии в Дунайском бассейне и стремлению фашистских держав расколоть Малую и Балканскую Антанты.

Во время пребывания царя Бориса в Берлине германский министр иностранных дел Нейрат «советовал» ему продолжать «политику дружеской ориентации по отношению к Югославии»¹⁵. С помощью Болгарии гитлеровцы стремились оторвать Югославию от системы французских военных союзов на Юго-Востоке Европы и облегчить тем самым осуществление своих агрессивных планов в Центральной Европе и на Балканах.

На обратном пути в Болгарию царь Борис посетил Белград. В ходе переговоров с царем Борисом принц-регент Павел и премьер-министр Стоядинович подняли вопрос о вступлении Болгарии в Балканскую Антанту¹⁶. Однако болгарское правительство отклонило это предложение и со своей стороны выдвинуло контрпредложение о заключении двухстороннего соглашения с Югославией¹⁷. Переговоры между Болгарией и Югославией в тот период не дали каких-либо конкретных результатов, тем более, что югославское правительство поставило условием заключения болгаро-югославского соглашения отказ Болгарии от претензий в отношении Македонии¹⁸.

Болгаро-югославские переговоры возобновились в середине 1936 г. Летом 1936 года международная обстановка резко обострилась: в июле этого года итало-германские агрессоры организовали вооруженную интервенцию в Испании, одновременно Германия усилила нажим на Австрию, результатом которого явилось австро-германское соглашение 11 июля 1936 г.¹⁹

В июле 1936 г. болгарский царь Борис нанес новый визит сначала в Италию, а затем, под предлогом присутствия на олимпийских играх, в Германию. В Берлине царь Борис вел переговоры с Гитлером, Герингом и Геббельсом, во время которых Гитлер настаивал на заключении болгаро-югославского пакта, с целью ускорить отход Югославии от Балканской Антанты и ослабить систему французских военно-политических союзов в Дунайском бассейне.

Возвращаясь в Софию, болгарский царь вновь встретился в югославском курортном городке Блед с принцем-регентом Павлом и Стоядиновичем²⁰. Во время переговоров с ними царь Борис вновь выдвинул предложение о заключении двухстороннего болгаро-югославского соглашения. На этот раз югославское правительство благоприятно отнеслось к идее болгаро-югославского пакта.

Однако болгаро-югославские переговоры вызвали сильную тревогу союзников Югославии по Балканской Антанте, особенно Греции и Румынии, которые опасались, что сближение между Болгарией и Югославией предоставит болгарским ревизионистам свободу действий во Фракии и Добрудже²¹. Чтобы рассеять тревогу своих союзников, югославское правительство пыталось убедить их, что болгаро-югославский пакт будет первым в целой серии двухсторонних договоров Болгарии с остальными членами Балканской Антанты.

Во второй половине сентября болгарский премьер-министр Кыоссейванов нанес визит в Белград, во время которого сделал официальное предложение заключить «пакт о дружбе между Болгарией и Югославией»²². Однако без формального согласия своих партнеров по Балканскому пакту Стоядинович не решился принять болгарское предложение. Ему пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить своих союзников дать согласие на подписание договора. В своих попытках примирить Грецию и Румынию с заключением болгаро-югославского договора Стоядинович получил решительную поддержку Турции.

В конце октября 1936 года Стоядинович посетил Анкару, где ему удалось получить не только согласие Турции на подписание болгаро-югославского пакта, но и заручиться ее поддержкой в переговорах с Грецией и Румынией. Благоклонное отношение турецкого правительства к болгаро-югославскому сближению объясняется прежде всего дальнейшим усилением английского влияния в Турции и отходе от дружбы с СССР и системы коллективной безопасности в Европе²³.

После визита Стоядиновича в Анкару турецкая дипломатия стала добиваться от Греции и Румынии согласия на подписание пакта между Югославией и Болгарией. В течение нескольких недель турецкий министр иностранных дел Рюшту Арас убеждал румынское правительство не противиться заключению болгаро-югославского договора. С этой же целью Арас посетил 30 декабря 1936 г. Афины, где уверял Метаксаса, что «болгаро-югославский договор не противоречит пакту и тенденциям Балканской Антанты»²⁴. Помнению Араса, путь двухсторонних соглашений, который избрало болгарское правительство, «является более правильным», чем коллективный договор, который содержит «элемент принуждения»²⁵. Таким образом, турецкое правительство активно содействовало заключению болгаро-югославского пакта, что на деле означало не что иное, как услугу фашистским агрессорам.

В конце концов Стоядиновичу и Арасу удалось добиться формального согласия Греции и Румынии, и 31 декабря 1936 г. югославское правительство заявило о том, что с одобрения своих партнеров по Балканской Антанте Югославия принимает болгарское предложение²⁶.

Подписание болгаро-югославского договора состоялось в Белграде 24 января 1937 г. Текст пакта состоял всего из двух статей: в статье первой говорилось, что «между королевством Югославии и царством Болгарии будет существовать нерушимый мир и истинная вечная дружба»; статья вторая указывала, что ратификация договора состоится в ближайшее время²⁷. В болгаро-югославском пакте ничего не говорилось ни о спорных вопросах, разделявших обе страны, ни о вступлении Болгарии в Балканскую Антанту.

При всем своем безобидном, на первый взгляд, содержании болгаро-югославский пакт являлся прямым поощрением агрессоров, уступкой фашистскому блоку со стороны стран Балканской Антанты. Недаром известие о подписании болгаро-югославского договора было встречено в Берлине с нескрываемой радостью. «В германском министерстве иностранных дел мне говорили, что они чрезвычайно рады достигнутому соглашению... Некоторые чиновники указывали мне, что оно является первой брешью в Балканской Антанте», – писал болгарский посланник в Берлине Караджов в донесении от 9 января 1937 года²⁸. 26 февраля германский министр иностранных дел Нейрат открыто выразил болгарскому посланнику свою радость в связи с заключением болгаро-югославского пакта о дружбе. Нейрат подчеркнул, что этот пакт находится в «полном соответствии с основными линиями германской внешней политики», что он далеко выходит за рамки балканских интересов: Югославия постепенно освобождается от французской зависимости и от своих обязательств по отношению к союзникам по Балканской Антанте. Кроме того, к улучшению отношений между Италией и Югославией, что усиливает позиции держав «оси» на Балканах²⁹.

Гитлеровская дипломатия рассматривала болгаро-югославский пакт как победу германского тезиса о двухсторонних договорах над советским принципом коллективной безопасности; Гитлер в своей речи от 30 января 1937 года сослался на болгаро-югославский до-

говор для подтверждения этого тезиса³⁰.

При вручении болгарским посланником в Берлине верительных грамот 11 марта 1937 года Гитлер полностью одобрил внешнюю политику Болгарии³¹. В разговоре с Караджовым (в конце марта 1937 года) Геринг, по словам болгарского посланника, проявил особенный интерес к отношениям Болгарии с Югославией, он не скрывал своего удовлетворения болгаро-югославским пактом и несколько раз подчеркнул: «Это великолепно!»³².

С большим удовлетворением пакт между Болгарией и Югославией был принят и в фашистской Италии, которая тоже была заинтересована в ослаблении французского влияния на Балканах и стремилась к подрыву Балканской Антанты. Итальянский посланник в Анкаре Галли выразил болгарскому посланнику в Турции Христову свою радость в связи с заключением пакта.

Болгаро-югославский пакт был встречен также с нескрываемым одобрением в Англии. «Благоприятная оценка английского правительства не подлежит сомнению. Из журналистских кругов стало известно, что им было дано указание оценивать сближение между Болгарией и Югославией как ценный вклад в укрепление мира и сотрудничества на Ближнем Востоке», – писал болгарский посланник в Лондоне Радев в донесении от 9 февраля 1937 г.³³. Посредством ослабления французских позиций в Юго-Восточной Европе Англия стремилась лишить Францию поддержки со стороны своих союзников, усилить ее зависимость от английского империализма и превратить в послушное орудие для выполнения своих планов.

Сильное беспокойство болгаро-югославский пакт вызвал во Франции и у союзников Югославии по Балканской Антанте – Греции и Румынии. «Здесь упорно распространяются слухи, что Югославия прибегнула к соглашению с Болгарией с целью освободиться от Малой и Балканской Антант и от французского влияния, чтобы действовать свободно и самостоятельно», – доносил болгарский посланник из Парижа в докладе от 30 января 1937 г.³⁴.

Таким образом болгаро-югославский пакт имел своей целью подорвать систему коллективной безопасности в Центральной Европе и на Балканах и облегчить германскую агрессию на Восток, против СССР. Гитлеровская дипломатия использовала пакт для того, чтобы ускорить распад Малой и Балканской Антант: с помощью этого договора Германия стремилась привлечь на свою сторону Югославию и тем самым ослабить всю систему французских военно-политических союзов в Дунайском бассейне. Болгаро-югославский пакт облегчал продвижение германского империализма на Балканы; способствовал укреплению экономических и политических позиций Германии в этом районе.

Заклячая пакт, монархо-фашистские правительства Софии и Белграда ни в малейшей степени не стремились к миру и взаимопониманию между балканскими народами. В совместной декларации ЦК коммунистических партий Болгарии и Югославии, опубликованной в феврале 1937 г., указывалось, что договор может стать инструментом мира только в том случае, если болгарское и югославское правительства будут стремиться «к достижению общего согласия между всеми балканскими народами, опирающегося на сотрудничество государств, которые вместе с Советским Союзом проводят политику сохранения мира на основе коллективной безопасности. Но пакт может стать инструментом войны и реакции, если окажется, что правительства помогают фашистским поджигателям войны во главе с Гитлером»³⁵.

Последующие события показали, что опасения болгарских и югославских коммунистов полностью подтвердились. Договор о «вечной дружбе» между Болгарией и Югославией был не инструментом мира и дружбы между народами балканских стран, а орудием гитлеровской агрессии на Балканах к подготовки антисоветской войны.

Болгаро-югославский пакт явился одним из звеньев в дипломатической подготовке фашистскими агрессорами второй мировой войны.

¹ П. Арсов Былгаро-югославският пакт от 1937 г. Балкански Мюнхен. Трудове на Висшия икономически институт К- Маркс, София, 1961.

² Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в семи томах, том 2, Гос. юр. издат., М., 1958, стр. 171.

³ Фальсификаторы истории, Госполитиздат, М., 1948, стр. 18 – 19.

⁴ Фальсификаторы истории, стр. 19.

⁵ И. Н. Чемпалов. Германская экспансия на Балканах в 1933 – 1928 гг. Уч. записки Уральского гос. университета, вып. 25. 1958, стр. 58.

- ⁶ Documents on German Foreign Policy, ser, «С», vol. 1, Washington, 1957, doc. № 27, p. 59.
- ⁷ Documents on German Foreign Policy, «С», vol. 2, doc. 291, p. 547.
- ⁸ Централен Държавен исторически архив НРБ, ф. 176, оп. 7, д. 164, л. 32.
- ⁹ П. Арсов, указ, соч., стр. 343.
- ¹⁰ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941- 1945, т. 1, Воениздат МО СССР, М., 1960, стр. 44.
- ¹¹ Stavrianos L.S. Balkan Federations, Mass., 1944, p 244
- ¹² ЦДИА, ф.176, оп. 7, д. 467, лл. 41 –44. .
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 7 л. 17 –18.
- ¹⁵ ЦДИА, там же, д. 467, л. 3.
- ¹⁶ The Great Britain and the East, March 5, 1936, № 1296, p 302.
- ¹⁷ «Great Britain and the East», March 5, 1935, № 1294, p. 302.
- ¹⁸ Ibidem.
- ¹⁹ DGFP, ser. D, vol. 1, L., 1949, p. 280 –281.
- ²⁰ The Times, September 5, 1936.
- ²¹ ЦДИА, ф. 176, о. 7, д. 65, л. 95 –96.
- ²² Documents on International Affairs, 1937. London, 1939, p, 401.
- ²³ А. Ф. Миллер. Очерки новейшей истории Турции. М., АН СССР 1948, стр. 173 –174.
- ²⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 494, л. 34 –36.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ The Times, January 1, 1937.
- ²⁷ Documents on International Affairs, 1937, London 1939, p. 452.
- ²⁸ ЦДИА, ф. 176, о. 7, д. 467, л.1 –2.
- ²⁹ Там же, л. 3.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ ЦДИА, ф. 176, о. 7, д. 376, л. 27-29.
- ³² ЦДИА, ф. 176, о. 7, д. 464, л.130 –131.
- ³³ ЦДИА, ф. 176, о. 7, д. 467, л. 6 –7.
- ³⁴ ЦДИА, ф.176, о. 7, д. 464, л. 130 –131.
- ³⁵ Материали по историята на Българската комунистическа партия. София, 1953, стр. 333 – 334.